

**Державинские традиции в лирике Инны Лиснянской:
в свете тем смерти и творчества**

Р.Ш.Сарчин

МБОУ «Лицей 110» Советского района г.Казани
(Казань)

Ключевые слова: державинские традиции, И.Лиснянская, онтологическая лирика

Наиболее явно державинский «след» в лирике Инны Лиснянской виден в её стихотворении «Если что я и знаю о времени наверняка...» [Лиснянская 2005, 3: 572] из цикла «Без тебя», посвящённой памяти мужа – поэта Семёна Израилевича Липкина. Реминисценция «вечности ... жерлом», использованная в нём, прочно связывает стихотворение Лиснянской с известными стихами Державина «Река времён в своём стремленьи...». То же можно сказать и об образе трубы, аллюзивно отсылающей к державинской строке из того же стихотворения: «Через звуки лиры и трубы...». Правда, у Лиснянской он снижен до значения печной трубы и обыгран ещё и в свете известного фразеологизма «в трубу вылететь».

Стихотворения Г.Р. Державина и И. Лиснянской тематически однородны: оба они о смерти. Причем не только и не столько (применимо к Державину) о «конкретной» смерти отдельного человека («Да и речь не о смерти твоей...»), а о смерти как таковой, о смерти в её бытийном понимании. Но несмотря на то, что в произведениях обоих авторов речь идёт о конечности, тленности всего и вся, поэты воспринимают всё происходящее как данность, поэтому и державинские стихи, и стихи Лиснянской воплощены в «эпической» интонации философского раздумья, мудрого созерцания.

Тот факт, что в эмоционально-смысловом «итоге» своего стихотворения (последние две строки) И. Лиснянская воскрешает именно слова Г. Р. Державина, на наш взгляд, далеко не случаен. Известно, что в поэзии Г.Р. Державина тема смерти особенно актуальна. Как известно, она в центре многих стихов поэта: «На смерть князя Мещерского», «На смерть графини Румянцовой», «Водопад», «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся», «Эхо» и многие другие. Не менее актуальна тема смерти и в лирике И. Лиснянской. В цикле же «Без тебя», вызванном смертью мужа, она проходит пронзительным мотивом неустоявшейся боли.

Близок Г. Р. Державин И. Лиснянской и по художественному воплощению и решению темы смерти. «Сквозной» в стихах Г. Р. Державина является «мысль о скоротечности земной жизни и земной красоты, мысль о всеокрушающем времени, всепоглощающей смерти, избежать которой ничто не может» [Лебедева 2003, 2: 308]:

«Разрушится сей дом, засохнет бор и сад, // Не вспомнется нигде и имя Званки» («Евгению. Жизнь Званская») [Державин 1985, 1: 208]. Не подвержено смерти и забвению только одно – память. В стихотворении «Эхо» об этом наиболее наглядно: «Увы! Лишь в свете вспоминаяем // Бессмертен смертный человек...» [Державин 1985, 1: 301]. Есть одноимённое стихотворение и у Лиснянской, поэтому уместно сопоставить эти произведения.

Державинское «Эхо» появилось как отклик на факт из жизни поэта: обращено к приятелю Евгению Болховитинову, любившему слушать эхо на Званке – имении Гаврилы Романовича. В основе стихотворения лежит греческий миф о нимфе Эхо, превратившейся в скалу от безответной любви к Нарциссу, лишённой Герой дара речи и способной лишь повторять чужие слова. Все эти сюжетные коллизии мифа аллегорично воплощены Державиным в его стихотворении:

О мой Евгений! коль Нарциссом
Тобой я чтусь, – скалой мне будь;
И как покроюсь кипарисом,
О мне твердить не позабудь <...>
Нарцисс жил нимфы отвечаньем...

[Державин 1985, 1: 301]

Но поэт при создании «Эха» не ставил перед собой задачи поэтического переложения древнего мифа. Мифологические мотивы использованы им при решении темы смерти и связанной с ней темы поэта и поэзии, способных остаться в памяти людей: «Так, знатна часть за гробом мрачным // Останется ещё от нас <...> Где Феб беседовал со мной, – // Потомство воззвучит – с тобой» [Державин 1985, 1: 301].

Всё сказанное о стихотворении Г. Р. Державина особенно значимо в свете разговора об «Эхо» Лиснянской [Лиснянская 2005, 3: 584]. Оно тоже отзвук греческого мифа, перипетии сюжета которого воспроизведены автором. Также, как и Державин, Лиснянская использует миф об Эхо в решении темы творчества. Правда, в отличие от Державина, она напрямую персонифицирует своё поэтическое Я в образе нимфы. Вбирая в себя всё прошлое со времён древнегреческого мифа до настоящего, лирический субъект Лиснянской «на деле» воплощает мысль о вечной протяжённости поэтического слова: «пространства и времени эхо». Наконец, «Эхо» Лиснянской, как и «Эхо» Державина, вписано в тематическое пространство смерти, хотя в самом стихотворении примет смерти вроде бы и нет. Но стоит посмотреть, в каком контексте оно находится. «Эхо» завершает книгу «Без тебя», написанную в год смерти мужа. Стихотворение «Эхо» с его заглавным образом, символизирующим вечность поэтического слова, жизнестойкость поэзии, оказывается выходом из состояния оцепенения перед смертью, ужасом судьбы – выходом, возвращением в жизнь: «Ещё я держусь на плаву».

Необходимо добавить, что с точки зрения использования мотива «эха» при решении темы творчества «между» Державиным и Лиснянской незримо присутствует Пушкин, который в своём стихотворении «Эхо», также сопоставляя поэта с эхом и обращаясь к ним обоим, пишет: «На всякий звук <...> шлѣшь ответ; // Тебе ж нет отзыва... Таков // И ты, поэт!» [Пушкин 1977, 4: 214]. Добавим также, что сочетание «знатна часть» из державинского «Эха» напоминает о «части меня большой» из его же «Памятника», связывая, таким образом», два стихотворения в единый узел стихов о назначении поэта и поэзии. Напомним, что стихотворение «Памятник» есть перевод 30-й оды к Мельпомене Горация, вольным переложением которой является также и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Таким образом, выстраивается целый ряд произведений о смысле поэтического творчества с общим одическим истоком, установкой, пафосом. В этот ряд, в силу своей «одической установки» на решение «высокой» темы поэта и поэзии, органично вписывается и «Эхо» Лиснянской, обнаруживая свою связь с пушкинской, державинской традицией и с традицией их общего древнегреческого предшественника Горация.

Подводя итоги сказанному, отметим, что присутствие Г.Р. Державина в лирике И. Лиснянской отмечено нами здесь лишь на уровне тематическом, да и то лишь с точки зрения тем смерти и творчества. Между тем, анализ лирики Инны Лиснянской в свете традиций Г. Р. Державина позволяет выявить более широкое его влияние: на понятийно-образном, стилевом, субъектном уровнях. Но это уже тема другого разговора.

Литература

Державин Г. Р. Сочинения / Г.Р.Державин. – М.: Правда, 1985.

Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник / О. Б. Лебедева. – М.: Высш. шк., 2003.

Лиснянская И.Л. Эхо / И. Л. Лиснянская. – М.: Время, 2005.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С.Пушкин. – Т. I. – Л.: Наука, 1977.

Платон / Сумароков: диалог об именах

Ю.В.Сложеникина

Самарский государственный технический университет (Самара)

А.В.Растягаев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета (Самара)

*Ключевые слова: Сумароков, русский язык, этимология, экзегетика, Платон
...Язык всем знаниям и всей природе ключ;
Во слове всех существ содержится картина,
Сообществ слово всех и действие в пружина.*

Г.Р.Державин

Для Сумарокова страницы «Трудолюбивой Пчелы» (1759) стали своего рода коммуникативной площадкой, позволившей вести беседу с предшественниками, со-